

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

ВЗГЛЯД С ДИСТАНЦИИ ШЕСТИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

А. КОШКИН

Доктор исторических наук

То, что говорил Молотов послу Того, безусловно, было согласовано со Сталиным. Да и сама идея заключения пакта о ненападении или нейтралитете во многом исходила от советского лидера. Stalin контролировал весь ход советско-японских переговоров.

Его беспокоило то, что японцы затягивали ответ на советские предложения от 14 августа 1940 года, а также заявление нового посла Татэкава о том, что он "не будет продолжать те переговоры, которые велись до сих пор, а начнет все переговоры снова"²⁸. Это было тем более настораживающим в связи с тем, что 27 сентября 1940 года был заключен договор о политическом и военно-экономическом союзе Германии, Японии и Италии - "Тройственный пакт". Хотя в текст пакта была внесена статья, в которой фиксировалось, что достигнутые соглашения "никаким образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом", объединение трех наиболее агрессивных государств мира было воспринято в Москве с тревогой. Заверения Того в том, что "заключение японо-германо-итальянского пакта не отразится на переговорах по коренным вопросам японо-советских отношений", не могли развеять эту тревогу. Тем более, что в Москву стали поступать сведения о вероятности германского нападения на СССР весной будущего года.

Обеспокоенность советского руководства складывающейся обстановкой ощущали и аккредитованные в Москве зарубежные дипломаты. Так, посол США в СССР Л. Штейнгардт в телеграмме государственному секретарю США от 28 сентября 1940 года сообщал, что реакция советского правительства на "Тройственный пакт" была отрицательной. Сотрудники германского посольства в Москве, писал он, откровенно говорят, что СССР недоволен "Тройственным пактом", германские дипломаты считают, что пакт означает принципиальное изменение германской политики в отношении СССР, и в сугубо

доверительном плане высказывают мнение, что следующей весной Германия начнет войну против СССР. По их словам, на германо-советской границе находится необычно большое количество немецких войск, при этом они подтверждают, что германского вторжения в Англию осенью 1940 года не будет²⁹.

Аналогичная информация поступала из различных источников и в Кремль. Это заставляло Сталина проявлять заботу о том, как не допустить участия Японии в надвигавшейся германо-советской войне. Наиболее эффективным средством решения этой задачи было стимулирование китайского руководства на продолжение сопротивления Японии в Китае. Хотя, как отмечалось выше, летом 1940 года Stalin был готов пересмотреть свои связи с Китаем ради пакта о ненападении с Японией, осенью он решил, что этого делать не следует.

Об этом свидетельствует личное послание Сталина Чан Кайши от 16 октября 1940 года. В послании говорилось:

"...Мне кажется, что заключение тройственного союза несколько ухудшает положение Китая, а отчасти также Советского Союза. Япония была до последнего времени одна, после же тройственного пакта она уже не одна, так как имеет таких союзников, как Германия и Италия. Но ввиду противоречивого характера тройственного пакта он, этот пакт, при известной международной обстановке может обратиться против Японии, так как он подрывает основы нейтралитета Англии и Северной Америки в отношениях с Японией. Эта сторона пакта тройственного союза, как видно, может создать некоторые плюсы для Китая. Эмбарго на металлический лом и некоторые другие товары из Америки, а также открытие Бирманской дороги являются прямым к тому доказательством.

В этой сложной противоречивой обстановке, по-моему, главная задача в Китае состоит в том, чтобы сохранить и усилить Китайскую национальную армию. Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы

и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет независим.

Теперь много говорят и пишут о возможности мирных переговоров и мира с Японией. Я не знаю, насколько эти слухи соответствуют действительности. Но, как бы то ни было, однозначно для меня ясно, что Китайская национальная армия крепка и могуч, Китай может преодолеть любые трудности.

Желаю Вам здоровья и успеха в Ваших делах.

И. Stalin"³⁰.

Укрепляя военные связи с Германией и Италией, японское правительство в то же время не отказывалось от намерения оторвать СССР от Китая. Вскоре после заключения "Тройственного пакта" министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Чтобы облегчить переговоры, предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы, уже имея подписанным договор о ненападении или нейтралитете, добиться от СССР заключения на выгодных для Японии условиях рыболовного соглашения, прекращения им помощи Китаю, а также попытаться вынудить его на территориальные уступки.

ТОКИО ЗАБРАСЫВАЕТ НАЖИВКУ

Восьмой пункт предложений японского МИДа гласил: "Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье". В случае, если советское правительство не пойдет на это, предусматривалось добиться демилитаризации этих территорий. Чтобы побудить СССР пересмотреть свою позицию в отношении японо-китайской войны, планировалось вовлечь его в спор о разделе сфер влияния в Китае. В программе японского МИДа было записано: "СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провин-

Продолжение. Начало см.: "Азия и Африка сегодня", 2001, № 5.

Нумерация ссылок по всей статье единая.

циях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР согласится с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония согласится с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)³¹.

Участие СССР в подобном разделе Азии, по расчетам японских стратегов, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы ей вооруженную борьбу с западными державами. Политика "превращения врага на севере в друга" должна была исключить весьма беспокойвшую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания "Тройственного пакта" Ё. Мацуока объяснял Тайному совету: "Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов"³². В то же время участники "Тройственного пакта" подчеркивали, что избранный в отношении СССР курс имеет временный характер. 7 сентября 1940 года Мацуока говорил германскому представителю Г. Штаммеру: "Нам необходимо сознавать, что после окончания войны в Европе Россия останется великой державой. Это будет создавать угрозу новому порядку в Восточной Азии. Япония и Германия должны быть рядом и должны выработать общую политику против России"³³.

В этих условиях японское правительство, хотя и несколько снизило активность в переговорах с Москвой, тем не менее, прерывать их считало нецелесообразным. Пришедший 17 октября к Молотову с прощальным визитом Того выразил свое сожаление по поводу задержки заключения соглашения и указал, что лично он ранее полагал, что это соглашение будет заключено в июле или самое позднее в августе текущего года. При этом посол объяснил происшедшее сменой кабинета в Японии.

Молотов же, намекая на то, что, возможно, задержка объясняется заключением "Тройственного пакта", сказал: "Что касается пакта трех держав, поскольку можно судить по теперешним данным, пакт не является препятствием для улучшения и дальнейшего развития отношений с державами, подписавшими пакт"³⁴. Тем самым Молотов дал понять, что советское руководство готово продолжать советско-японские переговоры.

В этот же день заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский принимал посла Китайской Республики в СССР Шао Лицзы, который напрямую заявил, что "заключение договора о ненападении (с Японией) явилось бы большим ударом для Китая". Далее по-

сол отметил, что "за время четырехлетнего пребывания здесь он убедился в том, что в принципе политика СССР не изменилась, но практическая помощь Китаю за это время приостановилась"³⁵.

Неодобрительно относились к перспективе японо-советского сближения и американцы. Того вспоминал в мемуарах:

"...В ходе так называемой "чистки Мацуоки" меня отзвали на родину, и переговоры в преддверии их завершения пришлось бросить. Американские представители в Москве, которые внимательно следили за улучшением советско-японских отношений, по всей видимости, решили, что переговоры о пакте о ненападении завершены, коль скоро на моем прощальном приеме в японском посольстве присутствовали, причем довольно долго, народный комиссар иностранных дел Молотов, народный комиссар торговли Микоян и заместитель наркома Вышинский. Мне даже рассказывали, что газетчики дежурили у здания посольства, ожидая подписания пакта. Во всяком случае, американцы настойчиво стремились помешать сближению между Японией и Россией"³⁶.

НЕЙТРАЛИТЕТ ИЛИ НЕНАПАДЕНИЕ?

Назначенный в сентябре 1940 года новым послом в СССР Ё. Татэкова 30 октября в беседе с Молотовым сообщил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о подписании пакта о ненападении.

Посол заявил, что после прихода к власти (22 июля) кабинета Коноэ внешняя политика Японии в корне изменилась. Это нашло свое выражение, по словам Татэковы, в заключении военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает советскому правительству заключить пакт о ненападении, а не пакт о нейтралитете, который, по его словам, недостаточен³⁷.

Посол передал текст пакта о ненападении, аналогичный советско-германскому договору о ненападении, заключенному в августе 1939 года. Японский проект пакта гласил:

"Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать

ни в какой форме эти трети державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определяется в десять лет"³⁸.

Посол сделал два добавления:

- Прежние переговоры Того о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются.

- Японское правительство предлагает все прочие спорные вопросы разрешить после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем заключается разница между прежним и новым предложениями японского правительства, Татэкова повторил, что соглашение о нейтралитете было признано недостаточным, ибо в нем был неясно отражен вопрос о ненападении. И потому после заключения тройственного военного союза было найдено целесообразным заключить пакт о ненападении. При этом он добавил, что прежний кабинет вел переговоры осторожно, а новый кабинет хочет сделать прыжок для улучшения отношений³⁹.

В телеграмме Молотова послу СССР в Японии К.А. Сметанину от 1 ноября 1940 года нарком писал:

"...Напомнив свои прежние высказывания по вопросу о Портсмутском договоре и Конвенции 1925 г., я заявил, что, если Япония в улучшении отношений с СССР будет исходить из сохранения Конвенции 1925 г., то это не даст должных результатов, так как Портсмутский договор оставил в нашем народе такой же нехороший след, как и Версальский договор...

Далее я заявил, что по примеру с Германией считаю целесообразным вести обсуждение вопроса о заключении пакта о ненападении с одновременным выяснением ряда практических вопросов, интересующих обе стороны. Татэкова вновь повторил, что сначала следует заключить пакт о ненападении без каких-либо компенсаций, а после заключения пакта японское правительство готово вести переговоры о пересмотре как Конвенции 1925 г., так и по другим вопросам, которые он назвал второстепенными.

Я снова вернулся к вопросу о компенсациях и указал послу, что заключение пакта даст ряд выгод для Японии, развязывая ей руки на юге, а с другой стороны - создаст затруднения для СССР в его отношениях с США и Китаем, а потому следует учесть и то возмещение, которое необходимо для компенсации отрицательных для СССР моментов, сопровождающих заключение этого пакта.

На вопрос Татэкова, что нужно понимать под возмещениями, я не дал прямого ответа, а заявил, что на наши

предложения от 14 августа я еще не имел ответа японского правительства, и если бы этот ответ был, то я мог бы продолжать обсуждение этого вопроса”⁴⁰.

18 ноября во время очередной беседы с Татэковой, Молотов по согласованию со Сталиным, изложил суть сделанного ранее предложения о желательности для советской стороны “получить компенсации” в случае заключения ею с Японией политического соглашения. Было указано, что общественное мнение СССР вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией будет связывать с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий - Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское руководство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Из телеграммы Молотова К.А. Смешину от 19 ноября 1940 года:

“...Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова и уже во всяком случае на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...”

Татэкова, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить советско-японские отношения. На мой вопрос, считает ли Татэкова мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы

Посол Японии в Советском Союзе (1938-1940 годы) Того Сигэнори.

для переговоров, Татэкова ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио⁴¹.

Японской стороне был предложен советский проект соглашения о нейтралитете, который предусматривал поддержание мирных и дружественных отношений и взаимное уважение территории целостности (ст. 1). В случае, если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет на протяжении всего конфликта (ст. 2). Срок действия соглашения определялся в пять лет с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока его действия не последует денонсация⁴².

ВЯЗКИЙ “ТОРГ”

Осенью 1940 года Япония приступила к осуществлению южного варианта экспансии: в сентябре ею был оккупирован Северный Индокитай. Дальнейшее продвижение на юг могло вызвать обострение ее отношений с США и Великобританией. В этой обстановке затягивание переговоров с СССР было Японии невыгодно. Поэтому её правительство уже 20 ноября, то есть через два дня после получения предложенного Молотовым проекта пакта о нейтралитете, сообщило, что считает советский проект “заслуживающим изучения”. По вопросу о японских концессиях на Сахалине министр иностранных дел Мацуока предписал Татэкове: “Рассмотрение вопроса о ликвидации концессий затруд-

нительно. Вместо этого предложите продать Северный Сахалин”⁴³. В беседе с Молотовым 21 ноября посол заявил, что японское правительство считает проект протокола о ликвидации концессий “абсолютно неприемлемым”⁴⁴.

Татэкова говорил Молотову: “...Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то он (посол) твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР”.

Касаясь предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов ответил, что по этому вопросу ему нечего добавить к тому, что он публично говорил 29 марта 1940 года на сессии Верховного Совета СССР. В этом выступлении Молотов иронически коснулся предложения одного из членов японского парламента о продаже Японии Северного Сахалина и, в свою очередь, заявил, что “в СССР нашлись бы покупатели на Южный Сахалин”⁴⁵. Молотов сказал Татэкове, что в этом выступлении дан исчерпывающий ответ как о продаже Приморья и Сахалина, так и других территорий, и потому такого рода предложения могут рассматриваться только как шутка.

Следует отметить, что в 30-е годы “идея” покупки советских дальневосточных территорий всерьез рассматривалась политическими деятелями Японии. Так, видный японский дипломат Т. Сиратори писал в 1935 году министру иностранных дел Арита: “Прежде всего Россия должна... разоружить Владивосток и т.д., закончить вывод своих войск из Внешней Монголии... не оставив ни одного солдата в районе озера Байкал... Вопрос о передаче Северного Сахалина по умеренной цене включается сюда тоже. В будущем надо иметь также в виду покупку Приморской области Сибири”⁴⁶.

Отвергая японские предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов, со своей стороны, развивал мысль о целесообразности выкупа у Японии ранее принадлежащих России территории Южного Сахалина и Курильских островов. Он говорил: “У Японии имеется много островов, которые ей не нужны, а у нас на Дальнем Востоке островов нет... Поэтому советская сторона может ставить вопрос о покупке Южного Сахалина и Курильских островов за соответствующую цену... Если бы Япония согласилась на продажу, то можно было бы договориться по всем другим вопросам, и у Японии были бы свободные руки для действий на Юге, ибо, как известно, Германия, заключив с СССР пакт о ненападении и обеспечив себе тыл, добилась на Западе больших успехов...”

После этого Татэкова в откровенной форме заявил, что международная обстановка развивается в пользу СССР и

нет ничего удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием. "Вам, видимо, кажется, - продолжал Татэкава, - что Япония, ведущая длительную войну с Китаем, истощена и поэтому должна делать уступки. Действительно, Япония до некоторой степени истощила свои силы, но теперь она взялась за создание новой структуры и восстановление своих сил вопреки Вашим ожиданиям, и к тому же он полагает, что и Чан Кайши также пойдет навстречу Японии".

Не желая осложнять переговоры обсуждением территориальных проблем, Молотов счел целесообразным оставить эту тему, заявив, что "речь сейчас идет не о продаже некоторых островов в связи с пактом о ненападении, и вопрос, который был поставлен попутно, (мы) не считаем актуальным".

В заключение нарком выразил надежду на получение ответа японского правительства соответственно в духе высказывания Татэкава в беседе 18 ноября. Одновременно он подчеркнул, что если Япония не считает нужным дать такой ответ, то соглашение не состоится. Тем самым было дано понять, что проектируемый пакт в равной степени отвечает интересам обеих сторон и его заключение возможно лишь при учете высказанных советским правительством условий и пожеланий"⁴⁷.

На следующий день, 22 ноября, Молотов телеграфировал в Токио послу Сметанину: "21 ноября имел беседу с Татэкава. Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания"⁴⁸.

Не проявило желания ускорить достижение договоренности по поводу условий заключения пакта о нейтралитете и японское правительство. Более того, оно инспирировало антисоветскую кампанию в печати, выступая с различными претензиями и протестами по вопросам рыболовства и японских концессий на Северном Сахалине.

ДАВЛЕНИЕ "ГЕРМАНСКОГО ФАКТОРА"

Однако заинтересованность в том, чтобы заручиться нейтралитетом СССР в отношении японо-китайской войны и экспансии Японии в южном направлении, в Токио сохранялась. Японское правительство решило воспользоваться визитом Молотова в Германию и обратилось к немцам с просьбой убедить советское руководство пойти на уступки Японии и продать ей Северный Сахалин. 10 ноября 1940 года, накануне приезда Молотова в Берлин, Мацуока дал указание японскому послу в Германии С. Курусу просить руководителей рейха "поставить перед советским представи-

телем вопрос о заключении между СССР и Японией пакта о ненападении на японских условиях"⁴⁹.

Риббентроп пытался выполнить эту просьбу. На переговорах с Молотовым он говорил: "Если будет заключен советско-японский пакт о ненападении, Япония продемонстрирует великодушную позицию в разрешении всех других проблем... Насколько мне известно, в случае заключения советско-японского пакта о ненападении и при согласии Китая Япония с радостью признает Внешнюю Монголию и Синьцзян сферами влияния Советского Союза... Что касается японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине, то Япония готова проявить понимание советской позиции. Однако для этого потребуется ослабить существующие внутри Японии противоречия по этой проблеме. Если же пакт о ненападении будет подписан, японскому правительству будет легче разрешить этот вопрос"⁵⁰.

В конце 1940 года руководство Японии узнало о том, что Германия готовится к войне против Советского Союза. Складывалась ситуация, при которой Япония могла быть поставлена перед свершившимся фактом. В условиях ее подготовки к экспансии на юге Токио беспокоила перспектива вовлечения страны как участника "Тройственного пакта" в войну против СССР на стороне Германии. Этот вопрос обсуждался 16 января 1941 года на заседании военного отдела императорской ставки. Хотя в докладе начальника оперативного управления генштаба армии С. Танака говорилось, что "Советский Союз не может готовиться к войне на два фронта", было решено провести соответствующую подготовку к событиям на севере. На вопрос военного министра, сколько времени потребуется на переброску войск, выделяемых для войны против СССР, Танака ответил: "Около четырех месяцев"⁵¹.

Однако вступать в войну против СССР одновременно с Германией японцы опасались. Слишком свежи были их печальные воспоминания о халхингольских событиях. Поэтому в Токио вновь заговорили о пакте с СССР, который, с одной стороны, должен был обезопасить Японию с севера, а с другой - мог явиться оправданием для отказа напастя на Советский Союз сразу после начала германской агрессии.

Из-за неконструктивной японской позиции на переговорах о заключении пакта и усилившейся антисоветской пропаганды советское правительство зимой 1940-1941 годов демонстративно охладило свои отношения с Токио, перейдя на более жесткий тон. Так, например, во время переговоров Молотова с Татэкавой о заключении рыболовной конвенции советский нарком заявил: "...Если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе

смотрят также, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой. Япония нарушила этот договор. Кроме того, поскольку этот договор был заключен после поражения России, он должен подлежать исправлению"⁵².

25 февраля 1941 года японский посол в Германии Х. Осима сообщил о возможном резком ухудшении германо-советских отношений. Такое впечатление он вынес из состоявшейся накануне беседы с Риббентропом, который не скрывал, что на восточных границах рейха сосредоточено "от восьмидесяти до ста немецких дивизий"⁵³. Содержание этой дипломатической депеши было доложено императору Японии Хирохито. Новость взволновала японского монарха. Он заявил лорду-хранителю печати К. Кидо: "Если Германия в ближайшем будущем начнет войну с СССР, союнические обязательства заставят нас готовиться к выступлению на севере... Так как у нас связаны руки на юге, мы окажемся перед серьезной проблемой"⁵⁴.

Было принято решение направить Мацуоку в Европу с тем, чтобы на переговорах в Москве, Берлине и Риме из первых рук получить необходимую информацию.

(Продолжение следует)

28 ДВП. Т. XXII, с.678.

29 FRUS. 1940. Vol. 1, p. 565.

30 Дипломатический вестник МИД РФ, декабрь 1994, № 23-24, с.72.

31 Кудо Митихиро. Указ. соч., с.80.

32 David J. Lu. From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Washington, 1961, p. 112.

33 Ibid, p.110.

34 ДВП. Т. XXII, с.677-678.

35 Там же, с.685-686.

36 Того Сигэнори. Указ. соч., с.209.

37 ДВП. Т. XXII. 1940 - 22 июня 1941. М., 1998. Книга вторая (часть 1), с.10.

38 Архив внешней политики России. Фонд 436б, дело 26, лист 46-47.

39 ДВП. Т. XXII. Книга вторая, с. 10.

40 Там же, с.10-11.

41 Там же, с.111-113.

42 СССР и Япония. М., 1987, с.194.

43 Кудо Митихиро. Указ. соч., с.87-88.

44 ДВП. Т. XXII. Книга вторая, с.116.

45 "Известия", 30.03.1940.

46 Цит. по: Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, с.152.

47 Полный текст записи беседы от 21 ноября 1940 г., см.: ДВП. Т. XXII. Книга вторая, с.116-120.

48 Там же, с.126.

49 Тамура Сатисаку. Сэй гайко си (История мировой дипломатии). Т.3. Токио, 1964, с.546.

50 Тайсан-но хироку (Секретные документы периода мировой войны). Токио, 1948, с.326.

51 Дайхонъэй рикугун бу. Токио, 1968. Часть 2, с.207-208.

52 ДВП. Т. XXII. Книга вторая, с.191.

53 Тайхэй сэнсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963, с.383.

54 Montgomery M. Imperialist Japan: The Yen to Dominate. London, 1987, p. 461.